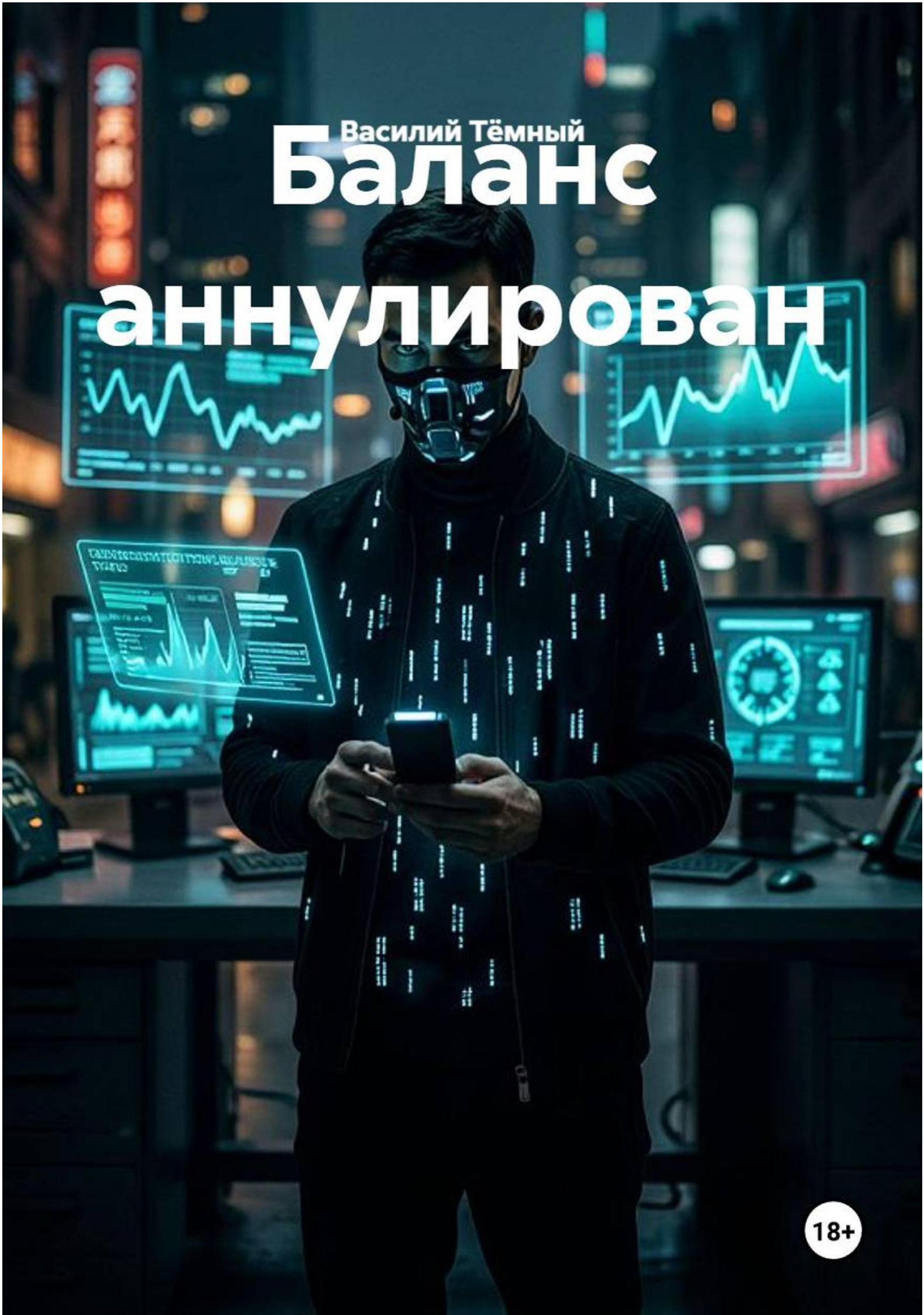
Василий Тёмный
Баланс
аннулирован
18+

Василий Тёмный

Баланс аннулирован

«Автор»
2026

Тёмный В.

Баланс аннулирован / В. Тёмный — «Автор», 2026

«Стазис» — мрачная антиутопия о цене бессмертия в мире, где человечность измеряется баллами полезности.Илья — идеальный гражданин: безупречный послужной список, 9842 балла социальной полезности и билет в «Стазис» — вечную жизнь в обмен на абсолютную лояльность системе. Его последняя задача — оформить принудительную релокацию для старого учителя литературы Аркадия Нестерова. Но в захламлённой книгами квартире Илья впервые сталкивается с чем-то настоящим: запахом старого чая, шелестом бумажных страниц и горькой правдой о том, что «Стазис» — это не победа над смертью, а изощрённое рабство.Предложение Нестерова кажется безумием: сохранить память старика в собственном сознании с помощью запрещённого нейроинтерфейса. Один выбор — и Илья из безупречного инструмента системы превращается в носителя чужого прошлого. Теперь ему предстоит не просто выжить, но и удержать в себе две личности, пока система пытается стереть любую аномалию.

© Тёмный В., 2026
© Автор, 2026

Василий Тёмный
Баланс аннулирован

Эпиграф:
"Смерть — это не конец срока. Это досрочное освобождение"

Часть I. Протокол "Стазис"

Глава 1. Уведомление

Илья проснулся не от звука, а от холода. Нейроимплант в затылке мягко пиликнул, и по левой руке, от запястья до локтя, пробежала ледяная волна — кожа на мгновение стала гусиной, хотя в квартире держалась стабильная температура. Так система сообщала о приоритетном уведомлении. Он моргнул, фокусируя взгляд на потолке. Ни единой морщинки. Гладкая, идеальная кожа двадцатипятилетнего парня. Илья сел на краю кровати, потянулся и мельком взглянул в зеркало на дверце шкафа. На него смотрел чужой. Симпатичный, подтянутый, с модной стрижкой, но с пустыми, выжженными глазами диспетчера. На периферии зрения мерцал красный конверт. Илья мысленно нажал "открыть". *Гражданин 482-91-А. Ваш баланс социальной полезности: 9 842 балла. Поздравляем. Вы достигли порога активации протокола "Стазис". Ваша очередь на процедуру назначена на 14:00 завтрашнего дня. Внимание: для окончательной калибровки протокола и погашения остаточного долга перед Корпорацией вам необходимо заступить на последнюю смену в Секторе-7 (урановые рудники, пояс Купера). Длительность смены: 8 стандартных часов. Транспорт прибудет за вами в 05:00.* Восемь часов. Не полгода, не месяц. Восемь часов адской гравитации, свинцовой пыли и нейтронного излучения, которое даже временные инъекции сдерживают с трудом. А потом — вечность. Илья должен был чувствовать эйфорию. Он шёл к этому с восемнадцати лет. Отказывался от отпуска, доносил на коллег, бравших липовые больничные, сдал в донорство костный мозг, почку и половину печени. Он не спал ночами, сводя баллы матерей-одиночек, чтобы их не разлучили с детьми. Всё ради этого мига. Он встал и прошёл на кухню. Кухонный синтезатор уже выдавил в стакан порцию белковой пены со вкусом синтетической клубники. Илья выпил её залпом, не почувствовав вкуса. Сегодня он должен был сдать последний отчёт. Илья работал аудитором Бюро демографии. Его задача была простой: заходить в квартиры тех, у кого баланс падал ниже тысячи, улыбаться своей идеальной, заученной улыбкой и нажимать на терминале кнопку "Принудительная релокация". Он открыл график посещений. Последняя точка. Район Старых Типографий, корпус 4, квартира 12. Владелец — Аркадий Валерьевич Нестеров. Баланс: 54 балла. Пенсионер. Бывший учитель литературы. Детей нет. Вклада в производство нет. Штрафы за хранение бумажных носителей — минус 200 баллов. Пятьдесят четыре балла. Это даже не отправка в колонию, это медицинский растворитель. Илья допил пену, сполоснул стакан и посмотрел на свою руку. На внутренней стороне предплечья тонкой синей нитью светился обратный отсчёт до 14:00 завтрашнего дня. 26 часов 14 минут 02 секунды. Он коснулся импланта, вызывая служебный аэротакси. — Полетели, — вслух сказал Илья своему отражению в тёмном окне. — Остался последний старик.

Глава 2. Старые Типографии

Район Старых Типографий пах сыростью и озоном. Здесь не меняли атмосферные фильтры уже лет сорок, и фильтры давно перестали справляться с городской копотью. Небо над серыми двенадцатиэтажками висело сплошным грязно-оранжевым полотном. Илья смотрел на это сквозь поляризованное стекло аэротакси, и его собственная, идеальная кожа лица казалась ему оскорблением. Аэротакси опустилось на забитую ржавыми дронами-починочниками парковку. Илья вышел, и подошвы его дорогих ботинок тут же прилипли к чему-то чёрному и

вязкому. Он брезгливо дёрнул ногой. Домофон в четвёртом корпусе не работал. Илья приложил служебный пропуск к считывателю, но тот лишь жалобно пискнул — энергии на этаже не было. Пришлось подниматься пешком. На пятом этаже Илья остановился, чтобы перевести дыхание. Его сердце билось ровно, как метроном. Инъекции держали организм в идеальном состоянии, лёгкие перерабатывали затхлый воздух без малейшего кашля, мышцы не ныли. Тело было совершенным механизмом. И этот механизм сейчас шёл, чтобы выключить другой, сломанный механизм. На двери квартиры 12 не было цифрового замка. Только старая латунная скважина. Илья надавил на кнопку звонка. Тишина. Он надавил сильнее, подавая на контакты усиленный разряд. Послышались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась на длину цепочки. В щели блеснул выцветший, но на удивление ясный глаз. — Бюро демографии, — бросил Илья, разворачивая светящийся на ладони голографический жетон. — Открывайте, Нестеров. Цепочка звякнула. Квартира ударила по обонянию смесью сухой бумаги, старого дерева и заваренного в фарфоре настоящего, а не синтезированного чая. Илья поморщился. Запах был незаконным. Аркадий Валерьевич оказался ниже, чем показывал профиль. Совсем высохший, с кожей, похожей на мятый пергамент. На нём был надет поношенный кардиган, из которого во все стороны лезли нитки. Он тяжело опирался на деревянную трость. — Проходите, юноша, — старик посторонился. — Только не наступите на "Преступление и наказание". Оно обидчивое. Илья шагнул внутрь и замер. Квартира была не жильём. Она была библиотекой. Стеллажи от пола до потолка, на которых стояли не стерильные инфопланшеты, а сотни, тысячи бумажных книг. Они лежали стопками на полу, на старом диване, на кухонном столе. Пожелтевшие страницы, потрёпанные корешки. Настоящая, мёртвая древесина. За одно хранение этого массива Нестерову полагался расстрел, а не просто растворитель. — Протокол осмотра, — сухо сказал Илья, активируя наладонник. — Баланс 54. Основание: социальная бесполезность. Аркадий Валерьевич, у вас есть родственники, готовые оплатить ваш перевод в аграрную колонию? — Родственники? — старик усмехнулся, показывая металлические коронки. — Моя единственная родственница умерла в прошлом веке. Я говорил с ней вчера. — С мертвой? — Илья даже не поднял глаз от наладонника, заполняя графу "Признаки старческой деменции". — С книгой, — спокойно поправил Нестеров. — "Мёртвые души". Она гораздо живее вас, молодой человек. Илья наконец оторвался от экрана. Он медленно обвел взглядом стеллажи. — Вы понимаете, что сегодня за вами придут утилизаторы? — спросил он. В голосе не было злорадства, только профессиональная усталость. — У вас пятьдесят четыре балла. Вы не родили детей. Вы не работали. Вы просто жгли кислород. — Я передавал кислород, — старик прошёл на кухню, зазвенел там посудой. — Чай будете? Настоящий. Тот самый, из-за которого у вас минус двести баллов в профиле. — Я на службе, — отрезал Илья. — Жаль, — старик вернулся с двумя дымящимися чашками. Одну он поставил на край заваленного книгами стола перед Ильёй. — Вы очень бледный для человека, который завтра станет бессмертным. Илья вздрогнул. Откуда он знает? Информация о "Стазисе" конфиденциальна до момента активации. — Это не ваше дело, — Илья схватил чашку, чтобы занять руки, и сделал глоток. Горячая, терпкая горечь обожгла горло. Это был вкус. Настоящий, сложный, меняющийся вкус. Не синтетическая клубника. Илья пил чай впервые в жизни — до этого он употреблял только питательные растворы. — Садитесь, юноша, — Нестеров тяжело опустился в скрипучее кресло. — У вас есть восемь часов до прихода утилизаторов. И восемьдесят лет до того, как вы поймёте, что зря спешили на свои рудники. Расскажите мне, что вы собираетесь делать... там? Вечность — это очень долго для человека, который не знает, чем заняться в обычный вторник. Илья поставил чашку на стопку книг, оставив на тёмной обложке мокрый полукруг. Он открыл рот, чтобы зачитать приговор, но слова застряли в горле. Впервые за двадцать лет безупречной службы его идеальный алгоритм дал сбой. Илья бросил короткий, затравленный взгляд на входную дверь. Любой прохожий в коридоре, любой патрульный дрон, зафиксировавший открытую дверь квартиры "социально неактивного", и его собствен-

ный баланс полезности рухнет в красную зону. Вечность закончится, не начавшись. Но вместо того чтобы активировать терминал, Илья сделал шаг и тяжело опустился в продавленное кресло напротив старика. Кожзам под ним влажно чавкнул. — Это должностное преступление, — хрипло сказал Илья. Голос сорвался — импланты поддерживали мышцы, но не могли заставить связки не дрожать. — Я обязан был вызвать наряд ещё на лестничной клетке. — Обязан, — легко согласился Нестеров и подул на чай. — Но вы не вызвали. Знаете почему? Потому что вы боитесь не утилизаторов. Вы боитесь завтрашнего утра. — Я жду этого утра год, — Илья сжал подлокотники так, что побелели костяшки. — Вы ждете анестезию, — старик кивнул на синий отсчёт на руке Ильи. — Вы думаете, что "Стазис" — это победа над смертью. Нет, юноша. Это самое изощрённое рабство, которое придумало человечество. — У меня девять тысяч восемьсот баллов, — глухо ответил Илья. — Я отдал системе всё. — Вы отдали системе всё, кроме себя, — Нестеров сделал глоток. — Посмотрите на свою руку. Этот синий свет — это не таймер бессмертия. Это счётчик вашей оставшейся человечности. Как только он обнулится, вы станете идеальным гражданином. Вечным, здоровым, полезным. И абсолютно пустым. Илья машинально посмотрел на своё предплечье. 26 часов 02 минуты. Он вдруг с ледяной ясностью осознал, что будет после рудников. Он вернётся в такой же стерильный бокс. Будет пить белковую пену. Будет ходить на работу, чтобы подтверждать свой статус полезности, ведь "Стазис" нужно постоянно продлевать, а баллы имеют свойство сгорать. Вечность, заполненная заполнением отчётов. — Зачем вы храните это? — Илья кивнул на стеллажи, чувствуя, как по щеке против воли скатывается капля горячего чая. — За это вас распылят. — Распыление — это просто смена носителя, — старик улыбнулся уголками губ. — А вот это, — он взял с соседнего стула том в потрёпанном коленкоре, — это антидот. Вы пьёте синтетику, потому что забыли вкус яблока. Вы смотрите в нейроэкраны, потому что разучились смотреть в глаза. Вы хотите жить вечно, но вы уже давно мертвы. Нестеров протянул руку через стол. Его пальцы, покрытые старческими пятнами, дрожали. Он коснулся синего света на руке Ильи. — У вас есть восемь часов, — тихо сказал старик. — До прихода утилизаторов. И восемь часов до того, как вы добровольно ляжете в гроб, который сами себе купили. Уходите, пока протокол не зафиксировал ваше бездействие. Забудьте меня. Ложитесь спать, завтра вас ждёт уран. Илья сидел неподвижно. Он чувствовал запах пыли, дешёвого чая и старой бумаги. Он чувствовал, как затекает его идеальное, не знающее усталости тело. Впервые за десятилетия он чувствовал, что живёт, а не функционирует. — Что мне делать? — спросил он, и вопрос прозвучал так по-детски, что самому стало стыдно. — Выбирать, — просто ответил Нестеров. — Между долгой смертью и короткой жизнью. Илья медленно поднялся с кресла. Он посмотрел на свой наладонник. Палец замер над иконкой "Вызвать наряд". Одно нажатие — и через три минуты здесь будет спецгруппа. Книги сгорят в кислоте, старик уйдёт в растворитель, а Илья в 05:00 сядет в транспорт до пояса Купера с абсолютно чистой совестью. Он опустил руку. — Аркадий Валерьевич, — Илья посмотрел прямо в выцветшие глаза старика. — Покажите мне, где здесь выход. Не из квартиры. Старик долго молчал, изучая лицо Ильи. Затем тяжело поднялся, опираясь на трость, и прошёл вглубь квартиры, к дальней стене, сплошь заставленной томами. — Выхода нет, — сказал он, начиная снимать книги с полки. — Но есть лазейка. Она стоит очень дорого. И я говорю не о баллах.

Глава 3. Лазейка

Старик снял с полки толстый том в синем ситцевом переплёте — "Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона". Он не стал его открывать. Аркадий Валерьевич повернул книгу корешком к себе, надавил на верхнюю часть обложки и одновременно провернул её против часовой стрелки. Внутри что-то сухо щёлкнуло. Задняя стенка книги отошла, обнажив узкую нишу, пахнущую озоном и старым пластиком. Там лежал не инфопланшет. Там лежал плоский, матово-чёрный прямоугольник размером с ладонь, похожий на кусок застывшей смолы.

На его поверхности не было ни кнопок, ни разъёмов. — Это не выход, — повторил Нестеров, бережно доставая предмет. — Это обход. Подпольный нейроинтерфейс. Мы называем его "Слепок". — Я знаю, что это, — голос Ильи снова стал жёстким, профессиональным. — Запрещённый нейролинк. Полное копирование сознания. За использование — высшая мера, за хранение — высшая мера. Вы храните это в словаре. Вы либо безумец, либо давно решили, как умереть. — Я решил, как не дать себе исчезнуть, — старик положил "Слепок" на стол. — Видишь ли, Илья, растворитель не убивает душу. Он просто стирает носитель. А это, — он постучал ногтем по чёрному пластику, — это позволяет вытащить носитель из тела до того, как его растворят. Или до того, как он добровольно ляжет в гроб на рудниках. Илья смотрел на "Слепок". Он знал, как это работает из служебных бюллетеней. Устройство вгрызается в ствол мозга, за пятнадцать секунд снимает полную матрицу личности, памяти и рефлексов, а затем выжигает себе мозги, чтобы не оставить следов для криминалистов. Одноразовый, кустарный, невероятно болезненный. И главное — копия не может быть загружена обратно в тело. Только в голую серверную стойку на дне океана или в тело нелегального клона, выращенного в чане, если у тебя есть связи в трущобах за Стеной. — Зачем вы показываете это мне? — спросил Илья. — Хотите, чтобы я вас сдал? За премию в пятьсот баллов? — Хочу предложить сделку, — Нестеров подвинул "Слепок" через стол к Илье. — Вы ведь завтра ложитесь в "Стазис". Вы станете идеальным, вечным, пустым архивариусом системы. Вы будете прекрасным инструментом. — Говорите прямо, — Илья не притронулся к устройству. — Мне пятьдесят четыре балла, — старик усмехнулся. — Но у меня есть кое-что, чего нет у ваших корпоративных боссов. У меня есть память. Настоящая. Я помню мир до "Стазиса", до инфосинтеза, до того, как люди разучились смотреть на небо. Я хочу, чтобы эта память жила. Не в книгах, которые сгорят вместе со мной. В голове того, кто имеет доступ к ядру системы. Старик наклонился вперёд, его глаза впились в Илью. — Возьмите "Слепок". Не для меня. Для себя. Сделайте копию сегодня ночью. Завтра, когда вам будут вживлять официальные импланты "Стазиса", подмените их протокол. Вместо стандартной прошивки лояльности залейте в свой мозг мою матрицу. Илья отшатнулся. — Вы с ума сошли. Если я залью чужую матрицу, моя личность будет стёрта. Конфликт протоколов сожжёт нейроны. Я стану вами. Я потеряю свои 9800 баллов. Я потеряю вечность! — Ты её уже потерял, — тихо сказал Нестеров. — Ты просто ещё не заметил. Посмотри на себя. Ты боишься потерять баллы, которые купил тебе право на вечную каторгу. А я предлагаю тебе стать контрабандой. Внутри самого охраняемого объекта в мире — внутри вечного человека. Ты будешь носить меня в своей голове. Официально ты будешь Ильёй, аудитором, верным псом системы. Но наедине с собой ты будешь помнить вкус настоящего чая, запах типографской краски и то, как плакать. Я научу тебя быть живым внутри мертвечины. Илья смотрел на чёрный прямоугольник. От него пахло озоном — запахом грозы и свободы. — А если я просто вызову наряд? — прошептал он. — Вас распылят, а я через восемь часов улечу на рудники с чистой совестью. — Вызывай, — кивнул старик. — Но тогда ты точно знаешь, что тебя ждёт завтра. Абсолютная, гарантированная, бесконечная пустота. В квартире повисла тишина, нарушаемая только гудением старой проводки. Синий таймер на руке Ильи равнодушно отсчитывал секунды: 25 часов 48 минут. Илья медленно, словно боясь, что устройство его укусит, протянул руку и накрыл ладонью матово-чёрный "Слепок". Пластик был ледяным. — Как это активировать? — спросил он. — Больно не будет, — сказал Нестеров, накрывая руку Ильи своей. Его ладонь была сухой, горячей и удивительно тяжелой, словно оттиск прожитой жизни. — Боль придёт потом. Когда ты впервые за тридцать лет вспомнишь, что такое совесть, и попытаешься подавить её служебным протоколом. Старик убрал руку. Илья сидел неподвижно, сжимая ледяной пластик. Идеальные алгоритмы в его голове кричали о нарушении десятка статей уголовного кодекса. Но за этим криком он впервые услышал что-то другое. Собственный пульс. Он был живым. — У вас есть нейрокатетер? — хрипло спросил Илья. — "Слепок" нужно вводить в затылочный порт. — В моем воз-

расте порт есть у каждого, кто хочет читать без нейроочков, — Нестеров тяжело поднялся. — Идите за мной. Они прошли в спальню. Комната была единственным местом в квартире, где не было книг. Вместо кровати здесь стояло старое, продавленное кресло-качалка, а на стене висел выцветший гобелен с оленями. Старик выдвинул ящик прикроватной тумбочки. Внутри, на бархатной подкладке, лежал одноразовый инъектор с толстой иглой и сам "Слепок", к которому теперь тянулся тонкий оптоволоконный хвост. — Садитесь спиной ко мне, — скомандовал Аркадий Валерьевич. — И снимите блокатор затылка. Тот, что ставит вам Бюро, чтобы вы не могли сливать данные конкурентам. Илья расстегнул воротник. Нащупал на затылке, у основания черепа, небольшую, гладкую заглушку сервисного порта. Он нажал на неё, и заглушка с тихим пневматическим вздохом отошла в сторону, обнажив тускло блестящий нейроразъём. — Это убьёт вашу личность, — в последний раз напомнил Илья, не оборачиваясь. Ему нужно было услышать это от старика. — Ваша личность — это идеально откалиброванная пустота, — ответил Нестеров, взводя инъектор. — Не бойся. Я не займу твоё тело. Я просто оставлю в прихожей свои галоши. Старик отвел в сторону густые седеющие волосы Ильи. Холодный металлический наконечник коснулся разъёма. — Не дышите. Илья задержал дыхание. Щелчок. Боль была не физической. Она была информационной. Словно кто-то вогнал в его затылок раскалённую кочергу, и она прошла насквозь, до самого центра лба. Перед глазами вспыхнуло белое, обжигающее солнце. Илья вцепился в подлокотники кресла. Его идеальный метаболизм пытался купировать шок, но не справлялся — это была не рана, это было вторжение. В его сознание хлынул поток. Запах мокрого асфальта в июле. Настоящего, а не ионизированного. Ощущение сбитых коленок после падения с велосипеда и жжение от зеленки. Тяжесть в груди от первой влюбленности в пятом классе, когда хочется одновременно смеяться и исчезнуть. Вкус горячего ржаного хлеба с крупной солью. Страх перед смертью. Воспоминания не были просто картинками. Они были плотными, осязаемыми, со своими температурами и звуками. Они втискивались между его собственными, стерильными файлами, давили на них, теснили. Илья увидел мир глазами Аркадия: пыльный луч солнца в школьной библиотеке, шелест переворачиваемых страниц, лицо жены, которая умерла от обычного гриппа за пять лет до изобретения "Стазиса". Белое солнце перед глазами начало гаснуть, сменяясь пульсирующей тьмой. Боль отступила, оставив после себя звенящую, невыносимую наполненность. — Всё, — голос старика доносился словно из-под воды. — Вынимайте. Илья открыл глаза. Его рука всё ещё сжимала подлокотник с такой силой, что сервоприводы в суставе тихо завыли от перегрузки. Он поднял дрожащую руку и коснулся затылка. Порт был закрыт. На пальцах не было крови. — Сколько это займет? — спросил Илья. Его собственный голос казался ему чужим. — Копирование завершено, — Нестеров тяжело опустился на край кровати, вытирая испарину со лба. Он выглядел постаревшим ещё на десять лет. — Теперь матрица внутри тебя. Она спит. Но когда завтра медики начнут прошивать твой "Стазис", их сканеры увидят аномалию. Твоя голова будет фонить чужими воспоминаниями. Они решат, что это сбой, и попытаются отформатировать тебя. Старик посмотрел на синий таймер на руке Ильи. 25 часов 40 минут. — Тебе нужно попасть в процедурную на минуту раньше официального времени. В 13:59. И когда главный инженер подключит главный кабель к твоему мозжечку, ты должен будешь вручную подтвердить протокол загрузки. Выбери "Архив Нестерова" вместо "Прошивки лояльности". — Меня распылят за саботаж, — Илья медленно встал. Ноги были ватными. Он чувствовал себя так, словно выпил литр воды после долгой засухи. — Тебя распылят, если найдут "Слепок" здесь, — отрезал старик. — Уходи. Сейчас. У тебя есть сорок минут, чтобы добраться до дома и уничтожить словарь. И восемь часов, чтобы передумать. Как только ты переступишь порог клиники, дороги назад не будет. Илья кивнул. Он двинулся к выходу, механически переставляя ноги. У самой двери он обернулся. — Аркадий Валерьевич... а если я не выберу ваш архив? Старик, уже тяжело опиравшийся на трость, слабо улыбнулся. — Тогда ты просто станешь самым счастливым мертвецом в истории. А теперь иди. И постарайся не плакать на улице, это

вызывает подозрение у патрульных дронов. Илья вышел в коридор. Дверь за ним закрылась, отрезая запах чая и старой бумаги. В ноздри ударил вонь хлорки и озона Старых Типографий. Он сделал первый шаг к лифту, и в этот момент внутри его головы, где-то глубоко за идеальным фасадом аудитора, тихо вздохнул старик. Лифт со скрежетом опустился на парковку. Илья вышел на улицу, и оранжевый смог ударил по глазам. Он пошатнулся, схватившись за перила. Дело было не в воздухе. Дело было в том, что он впервые за двадцать лет почувствовал, как этот воздух дерёт горло. Он вызвал служебное аэротакси. Пока дрон снижался, Илья стоял под неоновой вывеской "Синтез-Плюс" и смотрел на свою руку. Синий свет таймера больше не казался обещанием. Он выглядел как обратный отсчёт до расстрела. 25 часов 20 минут. Страх был физическим. Липким, холодным потом на спине, дрожью в коленях, желанием втянуть голову в плечи. Его идеальный метаболизм пытался подавить выброс кортизола, но программа не знала, что делать с первобытным ужасом. Он нарушил протокол. Он пустил в свой мозг призрака. Если медики Корпорации увидят хотя бы тень чужой матрицы, они не станут его распылять. Распыление — это гуманно. Они подключат его к отладочному стенду и будут вычищать память нейронным ластиком, пока от личности "Илья" не останется мокрое место, пригодное лишь для управления автоматическим поломоечным комбайном. Аэротакси опустилось. Илья сел в салон, и дверь герметично закрылась, отсекая уличный шум. Внутри пахло озоном и лавандой. — Жилой блок "Альфа-7", уровень 40, — бросил Илья. Всю дорогу он смотрел в окно. Город казался другим. Раньше он видел схему: транспортные артерии, энергопотребление, плотность населения. Теперь он видел клетки. Стеклянные, стерильные, подсвеченные изнутри мертвенно-белым светом боксы, в которых миллионы людей пили синтетическую пену и смотрели в нейроэкраны, ожидая своей очереди на "Стазис". Он посмотрел на своё отражение в стекле. Симпатичное, пустое лицо. Лицо человека, который завтра должен был стать королём этой мертвечины. Квартира встретила его идеальной тишиной. Илья заблокировал дверь, задвинул шторы и только тогда позволил себе выдохнуть. Его трясло. Он прошёл в гостиную. На журнальном столике всё ещё стоял пустой стакан из-под белковой пены. Илья смахнул его на пол. Стекло разбилось с оглушительным, неправильным звоном. Ему нужно было уничтожить словарь. Он вернулся в коридор, где оставил служебный рюкзак. Достал из бокового кармана молекулярный деструктор — небольшую трубку, похожую на фонарик. Одно нажатие, и любая органика распадётся на стерильную пыль за три секунды. Илья снова вызвал карту. Район Старых Типографий. Корпус 4. Он должен вернуться. Зайти в ту квартиру, полную запаха пыли и чая, направить трубку на стеллажи и сжечь всё. Книги, "Слепок", старика. Сжечь память. Тогда протокол "Стазиса" завтра пройдёт идеально. Он ляжет в капсулу, боль пройдёт, и он станет вечным. Пустым, но в безопасности. Илья поднял руку с деструктором. Палец лёг на сенсор активации. Внутри головы, там, где должна была быть только его собственная, гладкая пустота, шевельнулось что-то тяжёлое. Вкус горячего ржаного хлеба с солью. Илья замер. Он не просто вспомнил об этом. Он почувствовал крупинки соли на языке. Почувствовал, как крошки царапают нёбо. Его идеальная слюна начала вырабатываться в ответ на фантомный раздражитель. Страх никуда не делся. Он стоял комом в горле. Но теперь к нему примешалось что-то ещё. Отчаяние. Если он сожжёт книги, он убьёт старика. Если он оставит книги, его убьют завтра в клинике. Илья опустил деструктор. Он прошёл на кухню, открыл утилизатор и выбросил туда осколки стакана. Затем он достал из рюкзака инфопланшет, открыл свой личный календарь и отменил завтрашнюю утреннюю встречу с барбером, который должен был подровнять ему волосы перед процедурой. Вместо этого он создал новую запись. 13:59. Клиника "Стазис-Групп". Коридор перед процедурной. Илья посмотрел на синий таймер. 25 часов 05 минут. Он лёг на пол прямо в коридоре, свернувшись калачиком, обхватив голову руками, словно пытаясь удержать внутри черепа бушующую чужую жизнь. Он не знал, как пережить эту ночь. Он знал только одно: завтра в 13:59 он не ляжет в капсулу. Он совершит государственную измену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.